

гается даже то, что всего больше требуетъ свободы и простора. Представимъ себѣ, что достаточная, высоко образованная семья взяла къ себѣ на воспитаніе крестьянскаго мальчика и намѣрена помѣстить его въ гимназію. Его „житейская обстановка“ не оставляетъ желать ничего лучшаго, „домашній надзоръ“ за нимъ самый бдительный, онъ имѣетъ всѣ „удобства для занятій“—и все-таки его не принимаютъ въ гимназію, чтобы не отрывать его отъ „среды“, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію. Благотворительность—одно изъ самыхъ могучихъ средствъ къ сближенію сословій, къ смягченію контрастовъ, истекающихъ изъ неравенства состояній; чѣмъ больше она достигаетъ этой цѣли, тѣмъ выше ея общественное значеніе. Опредѣлять ея границы, стѣснять ея инициативу, значить идти въ разрѣзъ съ истиннымъ ея призваніемъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать ея внутреннюю силу. Благотворить согласно съ указаніями начальства способны только тѣ, которые преслѣдуютъ при этомъ свои личные виды. Ошибочно было бы ожидать, что средства, предназначенныя частнымъ лицомъ на обученіе въ гимназіи крестьянскаго сына, пойдутъ—за непринятіемъ послѣдняго въ гимназію—на воспитаніе сына „бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“; въ огромномъ большинствѣ случаевъ они получаютъ совершенно иное употребленіе, съ соответственнымъ уменьшеніемъ общаго, если можно такъ выразиться, учебно-благотворительнаго фонда. Весьма прискорбно было бы уже искусственное ограниченіе дѣятельности благотворительныхъ обществъ, существующихъ при гимназіяхъ,—но еще менѣе справедливой, еще болѣе неудобной представляется регламентація частной благотворительности. Отсюда, быть можетъ, нѣкоторая нерѣшительность въ тонѣ разбираемаго нами циркуляра. Нежелательнымъ признается здѣсь оторваніе мальчика отъ *хорошей* крестьянской или мѣщанской семьи; отъ семьи дурной или не совсѣмъ хорошей онъ, слѣдовательно, можетъ быть оторванъ? Но кто же будетъ судить о доброкачественности семьи? Неужели свѣденіямъ, собраннымъ на скорую руку гимназическимъ начальствомъ, будетъ дано предпочтеніе передъ убѣжденіемъ благотворителя, основаннымъ на многолѣтнемъ опытѣ? Не странно ли, съ другой стороны, обуславливать пріемъ не личными свойствами мальчика, а свойствами его родителей или родственниковъ?.. Къ числу молодыхъ людей, которымъ „свойственно достиженіе извѣстныхъ степеней образованія“, циркуляръ относитъ тѣхъ, которые отличаются „выдающимися личными дарованіями“. И здѣсь опять возникаетъ тотъ же вопросъ: кто будетъ судить о наличности такихъ дарованій? Благотворитель, давно знакомый съ способностями мальчика, или гимназическое начальство, въ первый разъ его ви-